

Цзянь Нань провёл дома целый день.

Цю Кайди была занята по уши: в её вышивальной мастерской на перекладинах висело больше десятка почти готовых изделий — последние штрихи перед сдачей. Цзянь Нань заглянул туда одним глазком и был поражён узорами и фасонами.

— Это... — он внимательно рассматривал крой одежды. — Это сценические костюмы?

— Да, — отозвалась Цю Кайди. — Заказ от съёмочной группы. Ко мне они попадают уже на финальном этапе. До этого над ними работало немало вышивальщиц. Сейчас не так много студий, которые действительно относятся к таким вещам с душой.

Взгляд Цзянь Наня задержался на одном из костюмов — нежно-голубом, словно напитанном светом. Под лампами ткань излучала мягкое сияние, а вышитые водяные узоры казались живыми. Легко было представить, как этот наряд будет выглядеть в движении — ярко, ослепительно красиво.

— Ты бы поменьше в это лез, — донёсся голос Цю Кайди у него за спиной. — Раньше — ладно, баловался. А сейчас у тебя своя карьера, не боишься, что люди смеяться будут?

Цзянь Нань потер глаза и улыбнулся:

— Я просто смотрю.

Раньше он и правда очень любил всё это. Но вышивки, которые он делал, Цю Кайди никогда не хвалила. В каком-то смысле это здорово подорвало его уверенность в себе. Был период, когда он буквально горел этим делом — ощущение, что из-под твоих рук рождается произведение искусства, казалось невероятно значимым. Но по разным причинам он всё это отложил. Не потому, что разлюбил, — скорее потому, что понял: возможно, он и правда для этого не подходит.

— Ладно, иди, — сказала Цю Кайди. — Твой отец, наверное, уже приготовил. С утра в кастрюле тушит.

— Хорошо, — кивнул Цзянь Нань.

Он редко бывал дома, поэтому особенно ценил такие дни: ел с родителями, помогал по хозяйству. В сети сейчас полно новостей, а выходить на улицу он опасался — вдруг узнают. В итоге вся семья просто осталась дома. К тому же Цзянь Нань и так нечасто здесь бывал, и это внезапное «сидение дома» оказалось на удивление увлекательным.

Он учился у отца готовить, помогал в вышивальной мастерской, а в свободное время перечитывал сценарии, вникал в характеры персонажей. Дни шли насыщенно и приносили редкое чувство удовлетворения.

Через два дня.

Цзянь Нань стоял у ворот дома Лю Юцина.

— Я пришёл навестить дедушку Лю.

Лю Юцин жил в доме режиссёра Бая — по странному совпадению, в том же жилом комплексе,

что и семья Цзянь Наня. Впрочем, ничего удивительного: район был «звёздный», людей из индустрии тут хватало. Зато Цзянь Наню было удобно — пара минут пешком.

Дверь открыла домработница:

— Здравствуйте, проходите.

Дом был выстроен в стиле традиционного китайского сада: за воротами открывался вид на каменные композиции, воду и зелень. Лю Юцин сидел под навесом, полужёжа в кресле-качалке. Увидев Цзянь Наня, он лишь приподнял веки — без особой реакции.

Передав домработнице принесённые тонизирующие снадобья, Цзянь Нань подошёл ближе:

— Как ваше самочувствие?

Лю Юцин кивнул:

— За эти дни ты не забросил то, чему я тебя учил?

— Нет, — всё это он держал в голове. — Хотите, я сейчас всё повторю? Я каждый вечер прогоняю заново.

Лю Юцин удовлетворённо хмыкнул:

— Давай.

Цзянь Нань сначала мысленно пробежался по материалу, а затем начал отрабатывать движения. Он по натуре был человеком серьёзным: за что ни возьмётся — вкладывается полностью. Базовые приёмы, которым учил Лю Юцин, он освоил крепко и уверенно. Когда он закончил, придраться оказалось практически не к чему.

— Ты учишься ради съёмок? — спросил Лю Юцин.

Цзянь Нань вытер пот полотенцем, которое подала домработница, и честно ответил:

— Да.

— В том же проекте, что и мой сын? — Лю Юцин неторопливо поднял чашку с чаем. — Уже всё решено?

— Пока нет, — Цзянь Нань смущённо почесал затылок. — Не факт, что возьмут именно меня.

Лю Юцин махнул рукой:

— Если можешь — не иди. С ним связываться — ничего хорошего.

...

Это точно его родной сын?

Цзянь Нань искренне не понимал. Даже агенты говорили, что Бай Цзинхуэй — отличный человек. Откуда у Лю такое мнение?

— Это ведь просто съёмки, — осторожно сказал он. — Я очень уважаю режиссёра Бая. Если

есть что-то, на что мне стоит обратить внимание, скажите заранее? — и тут же добавил: — Я буду осторожен.

Лю Юцин ещё раз внимательно посмотрел на него, особенно долго задержав взгляд на лице Цзянь Наня. Наконец произнёс:

— Тогда дам тебе один совет.

— М? — Цзянь Нань насторожился.

— Дружить можно, — протянул Лю Юцин. — Влюбляться — нельзя.

Цзянь Нань рассмеялся. Вот уж не ожидал — у семьи режиссёра Бая, оказывается, такие строгие правила. Впрочем, это были чужие семейные дела, и обсуждать их не имело смысла. Да и с чего бы ему вообще заводить какие-то чувства к режиссёру? Он ведь просто идёт сниматься.

— Хорошо, не волнуйтесь, — уверенно сказал он.

Лю Юцин кивнул и продолжил обучение. В возрасте Цзянь Наня учиться оперному пению было уже поздно — всерьёз выводить его на сцену значило бы выставить на посмешище. Оставалось лишь научить внешней форме, «фасадным» приёмам, чтобы на экране он выглядел убедительно и мог пустить пыль в глаза.

С утра до самого вечера Цзянь Нань провёл рядом с Лю Юцином. Под конец домработница собралась готовить ужин, но старик остановил её:

— Иди.

Цзянь Нань указал на себя:

— Я?

— А что, не можешь? — холодно фыркнул Лю Юцин.

После целого дня тренировок у Цзянь Наня ломило спину и тянуло мышцы, хотелось только лечь и не двигаться. Но послушаться учителя он не осмелился и лишь послушно кивнул.

— Ничего сложного, — добавил Лю Юцин. — Просто лапшу сделай.

Цзянь Нань даже обрадовался — с этим он справится. Он не стал делать кое-как, но и излишне усложнять не стал: слишком уж устал. Быстро приготовил лапшу с китайской капустой и яйцом, заодно предложил домработнице, но та поспешно отказалась — не решилась.

Пужинав вместе с Лю Юцином, он услышал:

— Физическая подготовка у тебя хромает. Завтра в шесть утра — на пробежку. Я буду смотреть.

Цзянь Нань опешил, но тут же снова кивнул:

— Хорошо.

Лю Юцин был удивлён. Этот парень оказался на редкость выносливым и терпеливым. Главное — с хорошим внутренним стержнем: не жалуется, не ленится, всё делает всерьёз. Таких

учеников встретишь нечасто.

— Встанешь? — уточнил он.

— Конечно! — Цзянь Нань даже попытался его подбодрить. — Сейчас всего десять, я пойду домой и лягу пораньше. Это всё равно легче, чем в съёмочной группе. Да и вы же встаёте — если вы можете, то почему я не смогу?

Лю Юцин смотрел на Цзянь Наня и вдруг поймал себя на искреннем любопытстве: какая семья, какая среда воспитания могут вырастить настолько рассудительного, зрелого человека.

Обычно в таких случаях бывает два варианта.

Либо это врождённый характер, да ещё и родители хорошо воспитали.

Либо детство было несчастливим: детей, которых не держали на ладонях и не лелеяли, жизнь учит быть понятливее и осторожнее раньше других.

Вот только Лю Юцин не знал, к какому из этих типов относится Цзянь Нань.

Месяц спустя.

— Брат, на дворе осень, прохладно стало. Одевайся теплее, — сказала Ма Цзили, протягивая Цзянь Наню стакан воды.

— Да она уже давно началась, ладно тебе, — Цзянь Нань сделал глоток воды и усмехнулся. — Ты что, живёшь по какому-то своему календарю?

Ма Цзили рассмеялась:

— Какая разница! Сегодня пробы, так что давай, выкладывайся по полной!

Сегодня проходили официальные кастинги к «Облака и Дым Столицы». Цзянь Нань заранее навёл справки: ходили слухи, что из судей будет не только режиссёр, но и другие важные люди. Значит, выступить нужно было безупречно.

Он и сам нервничал:

— Я постараюсь.

— Роль Фэй Тина точно твоя! — подбодрила его Ма Цзили.

— Пусть твои слова сбудутся, — улыбнулся Цзянь Нань.

Когда он добрался до места и пошёл переодеваться, стало ясно: желающих на роль Фэй Тина действительно много. Среди них даже оказались несколько популярных айдолов — ныне горячие имена. В обычной жизни они были едва знакомы, а в ситуации конкуренции и вовсе не до показного «братства»: ограничились сухими кивками — и всё.

Костюм, который надел Цзянь Нань, представлял собой длинную магуа — традиционную мужскую одежду времён Китайской Республики. Серо-тусклая, прямого кроя, она одинаково скрывала и полноту, и худобу. Наряд был неблагодарный, не подчёркивал фигуру, но дух человека в нём чувствовался сразу.

Стоя перед зеркалом, Цзянь Нань выглядел как учитель частной школы — спокойный, утончённый, исполненный тихого достоинства.

А ведь Фэй Тин в оригинальном романе тоже был обедневшим молодым господином, начитанным и образованным.

Он ещё не успел выйти из примерочной, как за дверью раздался приглушённый разговор:

— Слышал? В этот раз вроде как уже всё решено заранее.

— Слышал. Противно до жути.

— Ну а что ты хочешь, у него же покровитель. Кто — и так всем ясно.

— Да кто ж не знает... эх. В наше время, если есть спонсор, можно вообще не напрягаться — роль сама упадёт.

Цзянь Нань открыл дверь.

Голоса оборвались на полуслове.

В коридоре повисла неловкая тишина — говорившие явно не ожидали, что он окажется именно в этой комнате.

— Простите, что помешал, — спокойно сказал Цзянь Нань, глядя на них без эмоций. — О чём разговор? Можно я тоже послушаю?

— ...

Двое переглянулись, скривили губы — и поспешно ушли.

Цзянь Нань вернулся в общий зал как раз в тот момент, когда раздался голос администратора:

— Номер девять, готовьтесь.

Это был он.

Собравшись с духом, Цзянь Нань медленно толкнул дверь в аудиторию для проб. Войдя, он поднял взгляд на судейскую панель — и увидел двух людей, которых совсем не ожидал.

Бай Цзинхуэй.

Ли Чуань.

К присутствию режиссёра Бая он был готов морально.

А вот Ли Чуань... — нет, к этому он был совершенно не готов.

Их взгляды встретились.

Ли Чуань сегодня был одет в повседневную одежду — ни намёка на официальность. Скорее выглядел так, будто вышел купить продукты и по дороге заглянул сюда. Они молча смотрели друг на друга, и в этом молчании было что-то странное, напряжённое.

Цзянь Наню показалось, будто Ли Чуань хочет ему что-то сказать.

Во взгляде актёра было слишком много тяжести — сразу не разберёшь.

— Нань-Нань, давно не виделись, — с улыбкой сказал Бай Цзинхуэй.

Цзянь Нань поклонился:

— Здравствуйте, режиссёр Бай.

— Не нужно такой официальности. Ты ученик моего отца — значит, мой младший брат. — Его тон был лёгким, почти шутливым. — Расслабься.

Цзянь Нань вежливо улыбнулся.

Бай Цзинхуэй вдруг резко сменил тему:

— Сценарий читал?

— Да, — поспешно кивнул Цзянь Нань.

«Облака и Дым Столицы» рассказывали историю Фэй Тина — молодого господина, который после падения семьи стал актёром оперы, а затем, собрав волю в кулак, сумел заново отстроить свою жизнь и карьеру в городе Цзин.

Он был человеком страстным, умеющим любить и ненавидеть.

За всю жизнь его судьба переплелась лишь с двумя мужчинами: военачальником Лу Бэйпином и богатым купцом из торговой палаты — Дэн Цзюанем.

Лу Бэйпин был его другом детства, но предал его в момент падения семьи Фэй.

Дэн Цзюань был ему совершенно чужим человеком — но протянул руку помощи, когда Фэй Тин оказался на самом дне.

— Хорошо, — сказал Бай Цзинхуэй. — Перед тем как дать тебе сцену, я хочу задать один вопрос. От ответа будет зависеть, понадобится ли тебе вообще пробоваться.

Цзянь Нань кивнул:

— Задавайте.

— После того как Лу Бэйпин бросил Фэй Тина, тот возненавидел его до глубины души. Но когда понял, что начинает испытывать чувства к Дэн Цзюаню, он вдруг звонит Лу Бэйпину —

расспрашивает о здоровье, о делах. Как ты думаешь, значит ли это, что в его сердце всё ещё есть Лу Бэйпин?

— Нет, — Цзянь Нань задумался, и только спустя долгую паузу заговорил. — Лично я... никогда не стал бы возвращаться к прошлому. Скорее всего, этот звонок — способ попрощаться. Иногда, чтобы поставить точку, не нужно ссориться и рвать всё в клочья. Гораздо важнее — знать, что у каждого всё хорошо, и позволить чувствам медленно угаснуть.

Комментарий автора:

Ли Чуань: А по-моему, «возвращаться к прошлому» — очень даже неплохо.

<http://bllate.org/book/12642/1137083>